
ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА

ББК 87.223.5

Н. Л. Пушкарёва

ОБ ЭМПАТИИ В АНТРОПОЛОГИИ И ВАЖНОСТИ РАЗДЕЛЬНОГО ОПИСАНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ МУЖСКОЙ И ЖЕНСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

К теме «история повседневности» мне как этнологу, уделяющему особое внимание изучению быта и одновременно истории и историчности человеческих эмоций, приходилось обращаться уже много раз. В ранее опубликованных работах легко найти и подборку релевантных теме ссылок на обширную историографию проблемы [6—12]. Ставшее трюизмом соотношение представительниц и представителей двух полов с функционально разделенными частной и публичной сферами [15] дает основание полагать, что образ жизни людей разного пола, их ежедневные практики заметно отличались и различия эти значимы для понимания как общих социальных процессов прошлого, так и для современной социальной прогностики.

Историку, знакомому с подходами повседневноведов из других стран, прежде всего германских, не надо объяснять, что женская повседневность, формально сопряженная в истории со сферой приватного, как минимум, не менее релевантна для интерпретации социокультурного контекста, чем якобы противостоящая ей, а точнее — несводимая к ней, мужская, поскольку женская повседневность всегда составляла особое измерение в культуре и по-особому функционировала. Я уже обращала внимание на то, что само слово «повседневность» — женского рода в русском и некоторых западных языках. В английском нет обобщающего понятия для этого феномена, можно высказаться лишь описательно («повседневная жизнь» — и никак иначе).

Все чаще обращаясь к теме истории женской повседневности, хотелось бы задать вопрос: сказывается ли языковое своеобразие на содержании и коннотациях данного понятия и способствует ли ориентации исследователя на соотношение себя с изучаемым? Известно, что грамматический род наименования (лек-

семьи) способен задавать образ восприятия самого феномена [4, с. 155], недаром историография обращает внимание на особенности такого типа. В русском, немецком и французском языках слово «история» женского рода (*die Geschichte*, *l'histoire*), она столь же «женственна, сколь и ее муза Клио» [28, S. 8].

Исследований по этой теме на Западе много, они разнообразны и зависят от того, насколько тем или иным ученым близка феминистская методология. В зависимости от этого анализ женской повседневности либо является теснейшим образом связанным с темой распределения властных полномочий в обществе и гендерным аспектом такого распределения; либо пополняет общую картину жизни женщин (прежде всего в семье) фактическим материалом, без ясного критического потенциала (впрочем, в англо-американской историографии таких работ становится все меньше, а, скажем, у нас и в немецкоговорящих странах таких публикаций множество).

О том, что изучение истории повседневности должно изначально быть и оставаться гендерно-чувствительным, говорили не только сторонницы «женских исследований». Видный теоретик немецкой истории повседневности А. Людтке писал, что «история повседневности нацелена на постепенную реконструкцию поступков и образа действий, объяснений и чувствований людей», если принять во внимание, что в любом факте или явлении «можно различить специфические *способы переживания* опыта, характерные для мужчин и женщин» [26, S. 75; 5, с. 95].

Тема взаимосвязи истории повседневности с женскими и гендерными исследованиями нашла особое решение в работах немецких последовательниц и коллег-современниц А. Людтке, историков и этнографов, что проанализировано А. В. Беловой [1, 2]. Ряд западных историков, в частности К. Липп, специалист в области культуры повседневности в эмпирических культурных исследованиях и этнографии, настаивает на тесном соединении этих синхронно развивавшихся полей. С ее точки зрения, женские и гендерные изыскания часто относят к исследованиям повседневности ввиду того, что будни «как место прямой коммуникации и удовлетворения непосредственных потребностей аналогичны господствующей дефиниции гендерного характера жизненного пространства женщины». Она утверждает, что именно среди женских работ — с их «микроскопическим взглядом» — большое количество под заглавием «женская повседневность»; они посвящены «жизненным и рабочим отношениям женщин всех слоев» (от работниц и служащих, крестьянок, портних или водительниц речных судов до супругов профессоров). В исследованиях К. Липп сделан абсолютно точный вывод: развитие женской истории и собственно женские изыскания прошлого способствовали появлению направления повседневноведения в целом (которое без них если бы и родилось, то уж точно было бы иным) и форсировали развитие исследований гендерно-окрашенной повседневности в *women's studies* [23, S. 86]. По ее мнению, в начале 60-х гг. XX в. развитие этнографических женских исследований было также в значительной степени инспирировано дискуссиями женщин-историков и культурно-антропологическими начинаниями американских феминисток [24, 25]; «аналогично изменялись и постановки вопросов: от описаний материальной повседневности к символическим аспектам повседневных поступков» [23, S. 87].

Изучалась ли в те годы женская повседневность у нас? Если брать в расчет всю российскую науку, то трудно ответить однозначно. Да, если иметь в виду многочисленные работы социологов, интересовавшихся повседневной жизнью женщин в СССР и, после его распада, России. Нет, если иметь в виду анализ исторической динамики и смен форм гендерных контрактов на протяжении советского и постсоветского периодов. Этой темы я касалась в середине 1990-х гг., стараясь доказать, что само по себе обращение к «женской теме» — еще не исследование по истории (женской) повседневности [14]. Блистательная работа А. В. Беловой, основанная на материале ее докторской диссертации [2], не ставит вопроса о том, какой была женская повседневность ее героинь, дворянок, до рассматриваемого ею периода (XVIII — середина XIX в.), равно каковы были пути изменения этого гендерного контракта в будущем.

Между тем именно допущение плюрализма в оценках разных сторон жизни, в том числе и повседневной, который отличает гендерные исследования в целом, заставило многих социологов, историков, лингвистов, культурологов вновь и вновь обращаться к теме, в частности в историческом аспекте. Это имеет не только научное, но и воспитательное значение. Тот, кто занимается повседневностью теоретически, исходя из восприятия повседневной жизни человека как ценности, никогда не будет приравнивать теорию к реальности, а также патерналистски относиться к чужой или своей собственной повседневности. Он/она всегда будет ощущать, что живет в мире, где нет пригодной для всех истины, «последней и завершающей», где немыслима ситуация разделения мира на «мы» и «они», где «мы» всегда правы, а «они» нет. Однако каждый, кто занимается изучением женской повседневности, непременно подчеркивает еще и ее различия с повседневностью мужской (содержание, ценности, ритм развития). И в этом отличие «традиционного» этнографа (который просто ищет общие черты мужского и женского быта) от гендеролога, которому важны различия.

Постановка вопроса о гендерных аспектах повседневности, связанных с различиями в женской и мужской ментальностях, женском и мужском образах мира и аксиосферах мужского и женского, актуальна и правомерна. Не секрет: классическая антропология (как и философия) рассматривала «человека вообще», лишённого каких-либо индивидуальных, в том числе половых, качеств. Абстрактным объектом изучения являлся среднестатистический индивидум, все конкретные свойства игнорировались как второстепенные. В центре внимания оказывалась некоторая само собой разумеющаяся *норма*, все отклонения от которой признавались патологией и выталкивались за границу упорядоченной социальной реальности. Сюда попадало вообще все непонятное, неприятное и опасное, к примеру непохожие на среднестатистического мужчину женщины [3, с. 7].

Что касается досоветского периода, то повседневность (как и сфера частной жизни) женщин изучалась очень неравномерно и, главным образом, этнографами в рамках исследования традиционного (крестьянского) быта [13, 14]. Лишь в самое последнее время, со второй половины 1990-х гг., предметом рассмотрения стала не столько фактическая обстановка женской повседневности современного города либо деревни (какой она видится наблюдателю), сколько

самоощущения их обитателей, их субъективные представления о себе самих и о мире вокруг, в том числе об отдельных вещах, формах общения, институтах культуры. Как жаль, что исследователи этих вопросов не задавались целью выяснить, чем же различались самоощущения людей разных полов.

Нашим ученым, занимающимся проблематикой женского быта, не близка феминистская методология. Им не хочется признавать очевидное: анализ женской повседневности является теснейшим образом связанным с распределением властных полномочий в обществе и гендерным аспектом такого распределения. Они ставят задачей просто пополнить общую картину жизни женщин фактическим материалом, сделав это в рамках теории взаимодополнительности гендерных ролей, без ясного критического потенциала.

Между тем в европейской и подчас флагманской для нас американской науке написание работы с таких методологических позиций просто невозможно. Любопытным ответом на вызов второй волны феминизма (1970-е гг.), в рамках которой удаленность женщин от новейших технологий рассматривалась как помеха для равенства и неблагоприятное условие для достижения жизненной стратегии, стало исследование двадцатилетней давности, анализирующее произошедшие за последние полвека изменения и результаты направленной политики вовлечения женщин в круг новейших технологических практик [17]. Речь, как оказалось, шла не только о том, чтобы предоставить женщинам особые возможности при поступлении на технические факультеты университетов, при получении мест врачей (а не медсестер) в больницах с целью (как мы бы сказали) «вовлечь женщин в производство», но именно и прежде всего о том, чтобы изменить женскую повседневность дома, в семье. И это произошло благодаря включению в нее технических помощников, благодаря нацеленной политике «нового отцовства», которая заставила женщин почувствовать свои равные права на включенность в профессиональную жизнь, перестроить повседневный бюджет времени, освободив время для реализации своих интересов. Смена гендерных ролей и значение в этом процессе технологических новшеств, врывающихся в повседневную жизнь, — типичная проблема современной западной социальной антропологии и истории повседневности XX в. [18, 19, 20, 27].

В этом контексте мне хотелось бы обратить внимание на увлекательную книгу Э. Робертс, которая, поставив в центр изучения «устную историю» семьи в XX в., провела грандиозное исследование истории повседневности в том ее виде и ракурсе, в каком ее запомнили именно женщины. Взяв автобиографии нескольких поколений (1890—1970 гг.), она заставила источники и живых информаторов из трех северо-западных индустриальных английских городов говорить о том, что в обычных воспоминаниях является фоном [30]. Это деторождение и уход за детьми, сексуальные отношения, брак, домохозяйствование, отношения с подругами, празднование важных домашних дат, гендерные роли, родственные связи и многое другое, что конструирует прежде всего женские жизни. Изучение повседневности женщин за более чем век показало ей, во-первых, смену приоритетов в системе повседневных обязанностей: место шитья, обшивания себя, детей и родственников, вязания и иных традиционных женских умений, место умения вкусно готовить и экономно расходовать про-

дукты заняло к концу XX в. умение следить за собой, точно рассчитывать рацион всех близких с точки зрения его полезности/вредности.

Во-вторых, к концу XX в. Э. Робертс увидела в рассказах о повседневном явную «революцию» в отношениях между мужем и женой, отцом и детьми: мужчины стали более креативными в делах обустройства дома, стирки и готовки, стали читать глянцево-журналы по дизайну жилища и больше посвящать времени занятиям с детьми — от спорта до интеллектуального воспитания. При этом исследовательница заметила нелинейность этого процесса: отцы 1950-х занимались с детьми много меньше, чем в начале XX в., зато к концу столетия произошло рождение «нового отцовства», предполагающего даже умение молодых отцов заботиться о младенцах.

В-третьих, выяснилось, что за столетие изменился подход (в аспекте времени и сил) к проблеме ухода за детьми и стариками. В начале столетия задачей женщины считалась готовность пожертвовать собой и своим временем ради детей, «поднять» их до совершеннолетия, поскольку заболеваемость и смертность до взросления были очень высоки. К концу столетия в качестве куда более весомой проблемы в западных странах обозначилась проблема не «детская», а «родительская», во всем объеме встал вопрос о заботе и милосердии к старикам, хотя сфера социального обеспечения развивалась быстро и многое стало в этом смысле проще. Важно подчеркнуть, считает Э. Робертс, что мужчины также оказались вовлечены в уход за стариками, чего не было в начале XX столетия.

Книги, подобные описанной выше, заставляют, мне думается, поставить все эти вопросы применительно к нашим российским реалиям и задуматься над тем, как мало мы, в сущности, знаем о жизни наших близких, о тех, кто жил при социализме и кому выпало изучать эти сюжеты сейчас. Добавлю, что наблюдения над женскими автобиографическими текстами XX в. заставляют пристальнее присмотреться к образу «домашней матери, матери, сидящей дома с детьми», который (по словам исследовательниц) «стал в настоящее время культурной аномалией», просуществовав в период бэби-бума конца 1950—1960-х гг., и кстати очень непродолжительное время [32, р. 5]. Разве этот вывод западных исследовательниц женской повседневности касается лишь их американских и западноевропейских современниц? Как рождался и воспроизводился литературой этот образ «правильного материнства», если он дожил у нас аж до XXI в., и в чем повседневность женщин вне дома была не схожа с повседневностью мужчин? Почему и как складывалась у нас ситуация, при которой материальный вклад женщин в повседневность семьи очевидно рос, а «домашняя мама» все-таки оказывалась идеалом? И чьим идеалом, для кого? Почему образ властной, «фаллической» матери так непригляден для современной русской культуры?

Пытаясь философски осмыслить различия мужской и женской повседневности через понятия мужской и женской субъективности, современная германская гуманитаристика [31], впрочем как и историописание [21], очевидно подчеркивает подчиненный характер женской субъективности, который диктует (или, по крайней мере, диктовал) своеобразное отношение к женской повседневности — как к теме не слишком значительной и, по возможности,

сводимой к «повседневности вообще» [29, S. 271]. Может ли специалист по русской женской повседневности согласиться с этим утверждением? Признание значимости изучения такой темы идет рука об руку с признанием ценности женской личности и отдельности (от мужского мира), с преодолением патриархатных воззрений, с критикой андроцентризма в науке.

В свете сказанного вполне объяснимо, что женские переживания, женский травматический опыт — значительно более проговоренный, нежели мужской, и может быть чаще запечатлен в воспоминаниях. Его гораздо легче выявить, вербализовать, проанализировать. Поэтому задача, поставленная германскими исследователями женской лагерной повседневности — в том ее виде, в каком она сохранилась в памяти переживших заключение в советских лагерях, была успешно выполнена М. Штарк в 2003 г. [33]. Что сделано по этой теме у нас? Автор германского исследования не ставила задачи сопоставить мужской и женский типы запоминания. Она также не ставила перед собой задачи задуматься, какие основные различия заставляют «развести» мужские и женские лагерные воспоминания, в чем они очевидно не совпадают. Однако сама по себе публикация множества устных рассказов, обобщенных по темам, связанным с повседневностью (транспорт, жилье, питание, одежда, досуг, сексуальность, болезни и смерть), может быть очень важным этапом в осмыслении проблемы в целом и послужить введению в оборот записей, «осевших» во множестве архивов (ФСБ, общество «Мемориал», Народный архив и ряд провинциальных документохранилищ).

Добавлю в заключение, что исследование женской повседневности еще более сложная задача, чем воссоздание повседневности социального слоя, группы, этноса вообще. Если сама повседневность подчас неразличима для «замыленного» глаза, неспособного видеть то, что постоянно находится перед изучающим, то женская повседневность еще более обыденна: она не склонна себя противопоставлять мужской, озвучивать, как отдельная женщина никогда не была склонна проговаривать (особенно письменно) и опредмечивать свои бессознательные женские мании и фобии. Если мужская повседневность всегда готова продемонстрировать себя в парадном зале дворца или на поле битвы, то обстановка кухни, детской, светелки, а тем более «чулана или чердака», т. е. пространства женской повседневности, запросто изглаживается из исторической памяти. Десятилетиями эта сторона жизни и быта волновала лишь этнографов, да и то на равных с изучением повседневности мужской. Но приступая к изучению женской повседневности, стоит помнить об опасности воспроизведения в конечном счете лишь ее внешних, расплывающихся границ вместо постижения ее подлинной внутренней природы, властных отношений в обществе в целом и в семье в частности, а именно так часто случалось с попытками интерпретаций в этой области [22]. То, что в мужской аксиосфере и в так называемой общечеловеческой системе ценностей может рассматриваться с позитивным знаком, в системе женской может оказаться поводом для депрессий и разочарований. Попытки индивида взбунтоваться против унылости повседневности, бежать от лицемерия нормальной обыденности, введя в число действующих лиц новых знакомых, изменив строй жизни, разнообразив события каждого дня, часто оборачиваются против близких ему людей. Это особенно ка-

сается женщин. Стремление освободиться от опостылевшей привычности очень часто заканчивается поражением участницы подобного «эксперимента», бунтарки или беглянки. Но и попытки обоснования мужского превосходства (маскулинного супрематизма) тоже часто оказываются обреченными. Ведь то, что в мужской и привычной системе ценностей может выглядеть как «обездушивание» собственного существования, как нечто, вызывающее тоску и скуку (любая монотонность жизни, ее ритмизированность), в аксиосфере женской может считаться овеществлением «тихой заводи», стабильности. Перечисленное может предстать как разумная попытка спасти от гибели налаженный быт и сложившиеся отношения, а следовательно — сохранить здоровье близким, продлить их жизнь. Следовательно, оценки одного и того же зафиксированного явления истории повседневности очень зависят от позиции аналитика, его пола, а также от того, например, насколько он/она разделяет идеи феминистской этики (ответственности, участия, эмпатии).

Недавно дошедший до читателя сборник работ историков, социологов и литературоведов из множества городов и университетов Российской Федерации, объединенный общей темой отражений гендерных отношений и систем в российской повседневности [16], оказался удачной попыткой осуществить комплексное исследование российской специфики повторяющегося, «нормального» и привычного, типических эмоциональных реакций на жизненные события, проанализировать мотивацию поведения мужчин и женщин разных социальных страт. Научная оправданность такого подхода обусловлена самим ходом развития европейской культуры, выдвинувшей ценности повседневной жизни в число приоритетных, детерминирующих развитие культуры в XXI в. Хотелось бы, чтобы он имел продолжение, потому что обращение к удаленному прошлому, а именно изучение изменений в структурах тогдашней обыденности в ее гендерном измерении, имеет значение для современных мучительных поисков обновленной идеологии.

Библиографический список

1. Белова А. В. Женская дворянская повседневность в контексте гендерно-чувствительной социальной истории // Вестн. Российского университета дружбы народов. Сер.: История. 2007. № 8. С. 51—63.
2. Белова А. В. «Четыре возраста женщины»: повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII — середины XIX в. СПб. : Алетейя, 2010. 480 с.
3. Гурин С. П. Маргинальная антропология. Саратов : Изд-во СГУ, 2000. 237 с.
4. Зверева Г. Формы репрезентации русской истории в учебной литературе 1990-х годов: опыт гендерного анализа // Пол, гендер, культура : немецкие и русские исследования / под ред. Э. Шоре, К. Хайдер. М. : РГГУ, 1999. Вып. 1. С. 155—180.
5. Людтке А. Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии // Социальная история : ежегодник, 1998/99. М. : РОССПЭН, 1999. С. 91—105.
6. Пушкарёва Н. Л. Гендерный аспект «истории повседневности»: содержание и перспективы изучения // Частное и общественное : гендерный аспект / отв. ред. Н. Л. Пушкарёва, Н. В. Новикова, М. Г. Муравьева. М. : ИЭА РАН, 2011. С. 538—539.

7. *Пушкарёва Н. Л.* «История повседневности» и «история частной жизни»: содержание и соотношение понятий // Социальная история, 2004. М. : РОССПЭН, 2005. С. 93—113.
8. *Пушкарёва Н. Л.* История повседневности: междисциплинарный подход // Антропологический форум. 2011. Вып. 14. Online. С. 457—470.
9. *Пушкарёва Н. Л.* История повседневности: предмет и методы // Социальная история, 2007. М. : Алетейя, 2007. С. 9—21.
10. *Пушкарёва Н. Л.* К определению понятия «женская повседневность» // Повседневный мир советского человека: стратегии выживания и механизмы адаптации в условиях социальных трансформаций 1920—1940-х гг. / отв. ред. Е. Ф. Кринко. Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2009. С. 212—223.
11. *Пушкарёва Н. Л.* Предмет и методы изучения истории повседневности // Этнографическое обозрение. 2004. № 5. С. 3—19.
12. *Пушкарёва Н. Л.* Российская повседневность в зеркале гендерных отношений: тенденция, динамика, перспективы изменений (X — начало XXI в.) // Российская повседневность в зеркале гендерных отношений : сб. ст. / отв. ред. и сост. Н. Л. Пушкарёва. М. : Новое лит. обозрение, 2013. С. 5—24.
13. *Пушкарёва Н. Л.* Русская женщина: история и современность. М. : Алетейя, 2002. 525 с.
14. *Пушкарёва Н. Л.* Частная жизнь женщины в доиндустриальной России, X — начало XIX в. : невеста, жена, любовница. М. : Ладомир, 1997. 282 с.
15. *Репина Л. П.* Гендер, власть и «теория разделенных сфер» // Репина Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история. М. : Наука, 1998. С. 194—208.
16. Российская повседневность в зеркале гендерных отношений : сб. ст. / отв. ред. Н. Л. Пушкарёва. М. : Новое лит. обозрение, 2012. 864 с.
17. *Consuming Technologies : Media and Information in Domestic Spaces / ed. by R. Silverstone, E. Hirsch.* London ; New York : Routledge, 1992. 256 p.
18. *Cowan R. S.* More Work for Mother : the Ironies of Household Technology from the Open Hearth to the Microwave. London : Free Association Books, 1989. 285 p.
19. *Csikszentmihalyi M., Rochberg-Halton E.* The Meaning of Things : Domestic Symbols and the Self. Cambridge (UK) : Cambridge University Press, 1981. 301 p.
20. *Henwood M., Rimmer L., Wicks M.* Inside the Family : the Changing Roles of Men and Women. London : Family Policies Studies Centre, 1987. 83 p.
21. *Hufton O.* Weiblicher Alltag // Listen der Ohnmacht : zur Sozialgeschichte weiblicher Widerstandsformen / hg. v. C. Honegger, B. Heintz. Frankfurt a. Main : VS Verlag für Sozialwissenschaften, 1981. S. 138—159.
22. *Krone-Schmalz G.* «In Wahrheit sind wir starker» : Frauen-Alltag in der Sowjet-Union. 2. Aufl. Düsseldorf ; Wien ; New York : Econ, 1999. 310 S.
23. *Lipp C.* Alltagskulturforschung in der empirischen Kulturwissenschaft und Volkskunde // Alltagskultur, Subjektivität und Geschichte : zur Theorie und Praxis von Alltagsgeschichte. Münster : Westfälisches Dampfboot, 1994. S. 85—86.
24. *Lipp C.* Schimpfende Weiber und patriotische Jungfrauen : Frauen im Vormärz und in der Revolution 1848 / hg. v. C. Lipp. Baden-Baden : Bühl-Moos, 1986. 289 S.
25. *Lipp C.* Überlegungen zur Methodendiskussion. Kulturanthropologische, sozialwissenschaftliche und historische Ansätze zur Erforschung der Geschlechterbeziehung // Frauenalltag : Beitr. zur 2. Tagung der Kommission Frauenforschung in der DGV. Frankfurt ; Bern ; New York : DGV, 1988. S. 29—46.
26. *Lüdtke A.* Stofflichkeit, Macht-Lust und Reiz der Oberflächen : zu den Perspektiven von Alltagsgeschichte // Sozialgeschichte, Alltagsgeschichte, Mikro-Historie : eine Diskussion / hg. v. W. Schulze. Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 1994. S. 74—81.

27. *McDowell L.* Urban housing and the sexual division of labor // *Sexual Divisions: Patterns and Processes* / ed. by M. Evans, C. Ungerson. Tavistock : London McDowell, 1983. P. 142—163.
28. *Niethammer L.* Einladung zur Spurensuche im Zeitgeist // *Niethammer L., Van Laak D. von. Posthistoire: ist die Geschichte zu Ende?* Hamburg : Reinbek bei Hamburg, 1989. S. 8—16.
29. *Ostner I.* Beruf und Hausarbeit : die Arbeit der Frau in unserer Gesellschaft. Frankfurt a. Main : Campus Pasero, 1978. 291 S.
30. *Roberts E.* Women and Families : an Oral History, 1940—1970. Oxford : Blackwell, 1995. 277 p.
31. *Seidel G.* Sind Menschenrechte Frauenrechte? // *Menschenrechte im Prozess der Geschichte : historische Interpretationen, didaktische Konzepte, Unterrichtsmaterialien* / hg. v. K. Fröhlich, J. Riisen. Pfaffenweiler : Centaurus Verlag, 1990. S. 137—161.
32. *Siegel K.* Women's Autobiographies, Culture, Feminism. New York : Peter Lang Publishing, 1999. 401 p.
33. *Stark M.* Frauen im GULAG : Alltag und Überleben, 1936 bis 1956. München ; Wien : Carl Hanser Verlag, 2003. 291 S.